

3. Реутов, Е.В. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина, А.А. Турьянский // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2017. - № 4. - С. 145-164.

4. Седова, Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база / Н.Н. Седова // Социологический журнал. - 2014. - №2. - С. 48-71.

ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН К САМООРГАНИЗАЦИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

М.Н. Реутова,

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий, НИУ «БелГУ»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

В последние годы исследование теоретических и прикладных аспектов общественного участия и самоорганизации граждан на микро- и мезоуровне приобретает все большую актуальность. В рамках данной работы самоорганизация рассматривается как процесс установления непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач с перспективой их актуализации после достижения первичных целей. К основным формам локальной самоорганизации граждан относится сбор подписей под обращениями в органы власти; проведение собраний и дискуссий для обсуждения способов решения имеющихся проблем; сбор денег и вещей для нуждающихся и другие формы взаимопомощи, митинги и демонстрации с выдвижением требований к органам власти, работодателям; организация досуговых мероприятий; совместное благоустройство территории; создание и реальное участие в деятельности институтов самоорганизации – ТОС, НКО и др.

Движущей силой объединения мало- или вообще незнакомых прежде друг с другом людей выступают проблемы различного характера – от необходимости защиты своих прав до проведения досуга. При этом происходит актуализация «слабых» связей, их трансформация в «сильные» или же формируются новые связи различного характера. Как отмечает ряд зарубежных исследователей процессов социальной самоорганизации, «традиционные социальные сети – семейно-родственные, соседские – могут и должны быть дополнены и замещены конструируемыми самими людьми посредством личного выбора сетевыми отношениями. Таким образом, возникает потребность в новых основаниях для отношений, которые выходят за рамки традиционных, обусловленных пространственной близостью и общим происхождением» [1]; «система публичного управления должна следовать логике социальных связей местного сообщества с расширением их возможностей. Именно они выступают в качестве движущей силы экономического развития и демократизации» [2].

Отечественные исследователи рассматривают практики самоорганизации граждан «как весомый элемент российского варианта гражданского общества. Само гражданское общество при этом интерпретируется прежде всего как способность людей к самоорганизации в соответствии с разнообразными осознанными общественными интересами ради консолидированного выражения и защиты этих интересов» (3, с. 199).

Развитие социальной интеграции и формирование локальной идентичности, основанной не на внешних (административно-политических), а на внутренних (ценностно-мотивационных) факторах, возможно посредством непосредственных контактов, связанных с разрешением частных и коллективных проблем и формирующих эмоциональную близость между их участниками. Совокупность данных контактов представляет собой микропрактики солидарности. Безусловно, трансформация микропрактик солидарности в

социальную солидарность представляет собой длительный процесс. При этом результат его совершенно не предопределен. Микропрактики солидарности вполне могут оказаться самодостаточными, или же на основании возникших «слабых» связей и их эволюции в «сильные» могут сформироваться идентичности, конфронтационные по отношению к обществу в целом. Таким образом, возможно формирование коллективной солидарности на мезоуровне, на основе микропрактик взаимопомощи и самоорганизации.

К ведущим факторам самоорганизации граждан на локальном уровне относится, во-первых, объективная ситуация, объем и характер проблем на конкретной территории или в организации, наличие эффективных институтов самоорганизации (ТОСы, НКО и др.). Во-вторых, это субъективное восприятие людьми проблемности ситуации, а также набор культурных ценностей, оказывающих влияние на социальное поведение и во многом предопределяющих готовность к кооперации и сотрудничеству.

По данным анкетного опроса населения Белгородской области (N=1002, выборка квотная, репрезентирующая пол, возраст, место жительства), большая часть респондентов (68,23%) не исключает для себя возможности включиться в какую-либо общественную инициативу и вступить ради этого в контакт с незнакомыми или малознакомыми людьми. Неготовность к этому высказывают 19,78% опрошенных. Значительная часть респондентов (32,07%) руководствуются в данном отношении личными мотивами – они могли бы это сделать в случае нарушения их прав. Альтруистические мотивы высказывались реже, но они также присутствуют – так, 16,68% респондентов могли бы включиться в общественные инициативы в случае ущемления прав окружающих их людей. И почти треть опрошенных (30,57%) руководствовались бы в данном случае необходимостью решения какой-либо общественной проблемы (таблица 1).

Таблица 1

Готовность принять участие в общественных инициативах, вступить в контакт с незнакомыми или малознакомыми людьми, %

Не готов к этому	19.78
Мог бы в случае нарушения (ущемления) моих прав	32.07
Мог бы в случае нарушения прав окружающих	16.68
Мог бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	30.57
Затрудняюсь ответить	11.89
Другое	0.20
Всего	100.00

Среди разных возрастных групп готовность к общественному участию распределяется неодинаково. Так, наибольший уровень готовности демонстрируют респонденты 18-29 лет (77,31%, если исключить тех, кто не готов и затруднившихся с ответом). В их среде также наиболее сильно выражена общественная и альтруистическая мотивация гражданского участия. Меньше всего готовность к общественному участию выражена у респондентов 60 лет и старше (59,58%). Альтруистическая и общественная мотивация у них, как и у 30-39-летних, находятся на достаточно низком уровне по сравнению с молодежью и 40-59-летними. 30-39-летние респонденты по уровню готовности к общественному участию находятся на предпоследнем месте (64,80%). Но по степени выраженности личной и альтруистической мотивации эта группа аналогична молодежи. Общественная мотивация у них выражена слабее остальных. У 40-59-летних респондентов альтруистическая мотивация выражена наиболее слабо.

Несколько большую готовность к включению в практики гражданского участия выказывает городское население (69,47% против 66,28% у сельских жителей). У горожан также чуть больше выражена альтруистическая мотивация гражданского участия.

Готовность к личному проявлению гражданской инициативы и мобилизации других людей к совместной деятельности для решения каких-либо общественно-значимых задач находится на несколько менее высоком уровне, но, тем не менее, декларируется большинством респондентов. Однозначно заявили, что не готовы к выступлению с общественной инициативой лишь 26,55% опрошенных, и еще 14,17% затруднились с ответом. Таким образом, оставшиеся 59,28% респондентов могли бы в случае необходимости проявить активистские качества. Как и в предыдущем случае, ведущими стимулами общественного активизма являются ущемление личных прав (на это указали 27,45% опрошенных) и необходимость решения общественной проблемы (27,45%). Чисто альтруистические причины, связанные с ущемлением прав окружающих людей, отметили 12,87% респондентов (таблица 2).

Таблица 2

Готовность выступить с какой-то общественной инициативой, объединить прежде незнакомых или малознакомых людей, %

Не готов к этому	26.55%
Мог бы в случае нарушения (ущемления) моих прав	27.45%
Мог бы в случае нарушения прав окружающих	12.87%
Мог бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	27.45%
Затрудняюсь ответить	14.17%
Всего	100.00%

Из всех возрастных групп наиболее высокий уровень готовности к инициированию коллективных действий декларируют самые молодые респонденты (65,95%), самый низкий – пожилые (49,65%). Молодежь демонстрирует наиболее высокий уровень общественной мотивации гражданского участия. У пожилых же более, чем у других, выражены альтруистические мотивы. Личностно детерминированная мотивация характерна в большей степени для респондентов 30-39 лет.

Для развития общественного участия большое значение имеет понимание мотивации граждан, выступающих лидерами или рядовыми участниками каких-либо общественных инициатив. По данным всероссийского исследования «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России», мотивация гражданского участия различается в зависимости от направленности деятельности. Так, массовые конструктивные активисты (МКА), отвечая на вопрос «*Что дает Вам участие в инициативной группе, общественной организации?*», говорят о возможности улучшить жизнь в своем городе, в стране, удовлетворении от оказания помощи другим, уважении окружающих. Примерно каждый четвертый из МКА (27%) рассчитывает на получение новых знаний, навыков, которые пригодятся в жизни, а 8% – на связи с влиятельными людьми и на приобретение опыта общественно-политической деятельности. Второй по величине группой акторов гражданского участия являются *неполитические активисты (НПА)*. Каждый пятый из них (19%) включен в публичные неполитические акции (борьба против сноса детской площадки, уничтожения сквера, строительства автостоянки и т.п.). Почти треть из них (30%) – регулярные участники публичных слушаний, 38% участвовали в публичных дискуссиях, 48% подписывали обращения, петиции в защиту общественных интересов. Мотивы гражданского участия у НПА выглядят несколько иначе, чем у МКА. Четверо из каждых десяти в этой группе – рационалисты (получают от своей деятельности новые знания, полезные знакомства или интересную работу), а треть (34%) – альтруисты (уважение окружающих, возможность улучшить жизнь в городе, стране) [4, с. 73-74].

По данным опроса экспертов в Белгородской и Воронежской области (N=40), включаться в те или иные формы общественной активности людей побуждают следующие установки морально-этического и прагматического плана: желание сделать лучше соци-

альную и духовную среду своего обитания (58,54%), стремление к расширению круга общения, приобретению новых знакомств и связей (43,9%), желание сделать последующую карьеру в органах власти, государственных учреждениях (39,02%), желание решить проблемы людей из близкого и дальнего кругов общения (31,71%), стремление к известности, популярности (29,27%), желание заработать, используя механизмы общественной деятельности (21,95%), чистый альтруизм, стремление помочь даже незнакомым людям (21,95%) и др.

Представляет интерес выявление факторов, препятствующих самоорганизации граждан на местном и локальном уровнях. Как свидетельствуют результаты опроса экспертов (таблица 3), наиболее часто были названы факторы субъективного плана – нехватка времени, патернализм, привычка перекладывать ответственность на власть, социальный эгоизм большинства людей, нежелание их выходить за пределы привычного круга общения, низкий уровень доверия к окружающим людям, низкий уровень информированности граждан о возможностях общественного участия. Сдерживающим фактором также выступает отсутствие поддержки со стороны власти, но данный фактор существенно уступает по частоте упоминания факторам, названным выше. Прямое противодействие со стороны местной власти или руководства коммерческих организаций играет незначительную роль.

Таким образом, мотивация гражданского участия обусловлена, прежде всего, специфическим набором установок и ценностных ориентаций, заставляющих граждан включаться в различные инициативы или выступать их непосредственными организаторами; гражданская пассивность вытекает из недостаточной осведомленности о возможностях влияния на власть в современных условиях, патерналистских и эгоцентрических установок, недоверия людям и просто отсутствия желания прилагать какие-либо усилия, выходящие за рамки семейно-родственных и непосредственных профессиональных обязанностей. Вместе с тем, можно предположить, что более активное стимулирование гражданских инициатив со стороны местных органов власти может оказать заметное влияние на развитие практик самоорганизации на уровне местных сообществ.

Таблица 3

Факторы, препятствующие самоорганизации граждан на местном и локальном уровнях, %

Противодействие со стороны местной власти	7.32
Противодействие со стороны руководства коммерческих организаций	2.44
Низкий уровень информированности граждан о возможностях общественного участия	41.46
Социальный эгоизм большинства людей, нежелание их выходить за пределы привычного круга общения	58.54
Патернализм, привычка граждан к перекладыванию ответственности на власть	68.29
Отсутствие стимулов, информационной, материальной и финансовой поддержки со стороны власти	31.71
Низкий уровень межличностного доверия	51.22
Отсутствие времени, загруженность работой большинства граждан	70.73

Изменение ситуации гражданской пассивности, таким образом, возможно путем применения комплекса мер, воздействующих не столько на институциональные, сколько на ментальные и средовые характеристики местных сообществ. Ранжированный (по 5-балльной шкале) перечень стимулов сотрудничества и самоорганизации граждан на местном уровне, с точки зрения экспертной оценки, выглядит так:

– введение дополнительных мер морального и материального поощрения волонтерской деятельности – 3,76 балла;

- расширение практики проведения конкурсов общественных проектов – 3,46 балла;
- трансляция через СМИ удачного опыта взаимодействия граждан – 3,29 балла;
- увеличение финансовой поддержки НКО со стороны государства и муниципалитетов, предоставление грантов – 3,29 балла;
- привлечение общественных активистов к работе органов власти в составе комиссий, советов – 3,05 балла;
- повсеместное создание при участии власти структур территориального общественного самоуправления – 2,85 балла;
- законодательное ограничение ответственности управляющих компаний за содержание помещений общего пользования – 1,59 балла.

В целом, ряд эмпирических данных позволяет сделать вывод, что различные практики самоорганизации граждан на уровне локальных сообществ приобретают все большее распространение, формы гражданского участия имеют в основном конструктивный характер и связаны с благоустройством мест непосредственного проживания граждан, оказанием помощи различным категориям населения посредством сбора подписей, участия в публичных слушаниях, использования специальных Интернет-ресурсов, направленных на выявление социальных проблем и сбор предложений граждан, участия в работе ТОС. Наиболее перспективными мерами по стимулированию гражданского участия выступают дополнительное моральное и материальное поощрение участников общественных инициатив, а также более эффективное информационное сопровождение удачного опыта решения актуальных проблем посредством самоорганизации граждан.

Литература

1. Schattenhofer K. Selbstorganisation und Gruppe: Entwicklungs- und Steuerungsprozesse in Gruppen. Opladen: Westdt. Verl. 1992.
2. Amin A. Local community on trial // *Economy and society*. 2005. № 34 (4). P. 612-633.
3. Барков Ф.А. Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // *Гуманитарий Юга России*. 2012. № 2. С. 193-202.
4. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. Режим доступа: http://soc.fom.ru/uploads/files/ISEP_3.pdf.

НЕПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ КАК ДЕВИАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В.Б. Слатинов,
*доктор политических наук,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления Курского
государственного университета*

В последние годы рассмотрение проблематики девиаций в системе государственного управления стало важным элементом теоретического анализа публичного администрирования. Серьезным подспорьем в этом является разрабатываемый в рамках политической науки концепт непатримониализма. С точки зрения ряда известных авторов, современному российскому политическому режиму и связанной с ним системе политико-административного управления присущи явные непатримониальные черты - порядок политических, управленческих взаимодействий, ресурсного распределения и присвоения ренты таков, что государство в значительной мере управляется как патримониум правя-